

Москалёва Алеся Юрьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории
и практики китайского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Alesya Moskaliowa

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice
of the Chinese Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
alesya.moskalevaa@gmail.com

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПЕРСПЕКТИВА КОМБИНАТОРНОЙ СЕМАНТИКИ

MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN CHINESE: PERSPECTIVES FROM COMBINATORIAL SEMANTICS

В данной статье рассматриваются основные подходы к трактовке категории модальности, предложенные западными, российскими и китайскими лингвистами, а также анализируются средства ее выражения в китайском языке. Особое внимание уделяется модальным ёгенам и модальным операторам, таким как 得 *de* и 不 *bu*, притом уточняется их роль в формировании модальных значений, раскрывается функциональное неравенство между разными типами модальных маркеров. Данное исследование, выполненное в русле комбинаторной семантики, подтверждает вариативность передачи оттенков субъективного отношения говорящего в китайском языке и подчеркивает значимость тонких, но принципиальных различий между анализируемыми языковыми средствами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *модальность; комбинаторная семантика; ёген; модальный оператор; результативная морфема; инкорпоративный комплекс.*

This article examines the principal approaches to the interpretation of the category of modality, as proposed by Western, Russian, and Chinese linguists, while analyzing its means of expression in Chinese. Particular attention is paid to modal yogens and modal operators, such as 得 (*de*) and 不 (*bu*), with clarification of their role in forming modal meanings and an exposition of the functional disparity between different types of modal markers. This research, conducted within the framework of combinatorial semantics, confirms the variability in conveying nuances of a speaker's subjective attitude in Chinese and highlights the significance of subtle yet fundamental differences among the means of expression under analysis.

Key words: *modality; combinatorial semantics; yogen; modal operator; resultative morpheme; incorporative complex.*

Модальность является важным аспектом лингвистической системы, отражающим отношение говорящего к содержанию высказывания, именно в этой связи представляется актуальным рассмотрение различных подходов к трактовке данной категории. В силу уникальности грамматического строя китайского языка, обладающего к тому же разнообразными способами передачи модальных значений, особенно важной задачей для исследователей-китаистов является выявление основных средств выражения модальности и последующая демонстрация их функциональных свойств на конкретных языковых примерах.

Взглянув на историю происхождения термина *модальность*, мы обнаружили, что впервые данное понятие было введено еще во времена древней Греции самим Аристотелем. Философская трактовка данного понятия звучит как «способ понимания, суждения об объекте, явлении или событии» [1, с. 390].

Наряду с философским пониманием этого явления модальность также рассматривалась и с точки зрения языка. Однако лингвисты так и не пришли к общему мнению насчет термина модальности «ввиду механического заимствования данного понятия из модальной логики» [2, с. 22].

С точки зрения лингвистики, под модальностью понимается грамматическая категория, обозначающая отношение содержания речи к действительности, которая выражается формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и другими показателями [3, с. 199].

Швейцарский лингвист Ш. Балли, который называл модальность «душой предложения» [4, с. 44], полагал, что «нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [4, с. 44]. Рассматривая модальность как синтаксическую категорию, он выдвинул идею объединения в ней 2-х значений: диктума, отражающего объективное содержание предложения, и модуса, который выражает позицию мыслящего субъекта по отношению к этому содержанию [4].

Позже В. В. Виноградов в своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» отметил, что модальность содержит в себе указание на отношение к действительности и является одной из основных, центральных языковых категорий, в различных формах обнаруживающихся в языках разных систем [5]. Вслед за ним И. Р. Гальперин, понимающий модальность как текстовую категорию, утверждал, что она «оказывается категорией, присущей языку в действии, т.е. речи, и поэтому является сущностью самого коммуникативного процесса» [6, с. 113].

В своей работе, посвященной лингвопрагматическим параметрам модальности, Н. Ю. Павловская пишет, что «онтологическим свойством модальности является соотношение высказывания и действительности с точки зрения говорящего в соответствии с полнотой его знаний об объектах, степенью удовлетворенности его потребностей, желаний, стремлений, интересов, целей» [7, с. 47]. Такой подход, как нам видится, перекликается с идеями В. Г. Гака, по мнению которого «в модальности выражается субъективный момент высказывания, преломление отрезка объективной действительности через сознание говорящего» [8, с. 315].

Наравне с определением понятия модальности ключевым вопросом стала ее классификация. Так, О. С. Ахманова подразделяет модальность на гипотетическую (*hypothetical (suppositional) modality*), глагольную (*verbal modality*), ирреальную (*unrealmodality*) и отрицательную (*negative modality*) [9, с. 237].

С опорой на идеи советского академика В. В. Виноградова Г. А. Золотова выделила три плана модальности. Среди них упомянуты следующие:

отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего; отношение говорящего к содержанию высказывания; отношение субъекта действия к действию [10].

Исследователь А. Б. Шапиро выделял два основных вида модальности (реальную и нереальную), при этом подчеркивал, что языковые средства, выражающие экспрессивную окраску высказывания и эмоции говорящего, не имеют ничего общего со средствами выражения модальности [11]. Тем самым он отрицал содержание в модальности такой составляющей, как экспрессивно-эмоциональные значения, и опровергал положение академика В. В. Виноградова о том, что «с категорией модальности соприкасаются и даже частично переплетаются с нею разные виды и типы эмоциональной экспрессии (например, возмущения, восхищения, угрозы и т. п.)» [5, с. 62].

Современные западные лингвисты также развивали учения о модальности, разрабатывая разнообразные классификации данного явления. Одной из популярных теорий является деление модальности на два типа, которое было предложено в работах Джона Лайонза: он изначально выделял деонтическую модальность, «связанную с необходимостью и возможностью действий, выполняемых морально ответственными агентами» [12, р. 823] и эпистемическую модальность, которая «относится к проблем знания и убеждения» [Там же, р. 793]. Обе эти модальности, в свою очередь, могут быть как объективными, так и субъективными [13, с. 346].

Классификация Д. Лайонза, основанная на заимствованных из модальной логики терминах, была дополнена идеей британского лингвиста Фрэнка Роберта Палмера [14], который к тому же выделял 3-й тип модальности – динамическую. Данный тип модальности более предметноориентирован, поскольку подразумевает возможность осуществления некой акции, в то время как деонтическая и эпистемическая модальность имеют связь с отношением и мнением говорящего или адресата соответственно [14]. Чуть позднее набирает популярность предложенный Дженнифер Коутс термин *корневая модальность*, объединяющая в себе деонтическую и динамическую модальность. По ее мнению, корневая модальность противопоставляется эпистемической [15].

Китайские лингвисты также высказывались по поводу данной проблемы. Так, например, Люй Шусян в труде «Очерк грамматики китайского языка» дает модальности следующее определение: «...ее можно назвать тем, что различает предложения, одинаковые по содержащимся в них понятиям, но различающиеся по неодинаковым целям высказывания» [16, с. 229]. Средствами выражения модальности ученый признавал интонацию и модальные частицы.

В статье, посвященной модальности и модальным глаголам, Чжу Гуаньмин пишет: «情态是人类语言中一个重要的语法范畴» Qíngtài shì rénlèi yǔyán zhōng yīgè zhòngyào de yǔfǎ fànchóu [17, с. 17], что значит: «Модальность является важной грамматической категорией в человеческом языке». Он также указывает на то, что существует много способов выражения значения

модальности в китайском языке, однако, как и в английском языке, основными или типичными членами модальной категории в китайском языке являются модальные глаголы [17, с. 19].

Проанализировав все упомянутые трактовки модальности и ее классификации, мы можем констатировать отсутствие единства мнений относительно содержания данного понятия. Применительно к китайскому языку эта категория наиболее четко раскрывается в трактовке научной школы комбинаторной семантики¹. Выбор принятого в комбинаторной семантике представления о модальности основывается на том, что именно этот подход, благодаря описанию через языковые семантические категории и степени ёгенов в парадигме частей языка, обеспечивает наиболее точное понимание модальности как композиции или суперпозиции событий. Такое восприятие модальности формализуемо – а значит, верифицируемо.

Данная идея подразумевает, что один процесс, будучи основой события, является аргументом для другого процесса. В парадигме частей языка такое отношение реализуется посредством комбинирования ёгенов 1-й и 2-й степени, где первый знак уточняет значение второго [18], например, в сочетании 能来 ‘мочь прийти’, ёген 1-й степени 来 ‘прийти’ уточняет значение ёгена 能 ‘мочь’, выражающего модальный признак.

Подобного рода слова, называющие признаки, уточняемые другими словами, но не уточняющие других слов, в нашей терминосистеме принято называть модальными ёгенами [19, с. 10]. Их значение складывается из семантического ядра и семантической периферии². Как известно, они высту-

¹ Комбинаторная семантика – лингвистическая дисциплина, изучающая отношение языка к модели мира, в отличие от философии, призванной изучать отношение модели мира к миру. В рамках данного направления лингвистики центральное место занимает китайско-японская лингвистическая традиция, подразумевающая использование категорий частей языка (тайгенов и ёгенов) вместо частей речи. Тайген (от яп. 体言 – стабильное слово) – часть языка, обозначающая индивида. Ёген (от яп. 用言 – подвижное слово) – часть языка, обозначающая признак индивида. См. Гордей, А. Н. Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова : сб. материалов, Минск, 28 марта 2008 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2008. – С. 19–25.

² В комбинаторной семантике значение языкового знака рассматривается как динамическое единство ядра и периферии. Такое представление базируется на идее о ядерной (central meaning) и периферийной семантике (marginal meaning), высказанной К. Пайком. См. Pike, K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior / K. Pike. – The Hague ; Paris : Mouton, 1967. – P. 600–601. Знак понимается как двухаспектная единица, в аспекте выражения которой содержится комбинация фигур, а в аспекте содержания – стереотип, который и образует ядерное значение знака. Периферия значения, возникающая в результате неспецифического использования языкового знака, бывает ближней (наиболее частотная метафора или метонимия) и дальней (наименее частотная метафора и метонимия). Например, для лексемы 老 lǎo ядерной семантикой является значение ‘старый’, а к периферийной семантике относится значение ‘уважаемый’ (老师 lǎoshī ‘учитель’ уважаемый + мастер). См. Гордей, А. Н. Типологические аспекты словообразования / А. Н. Гордей, Сунь Кэвэнь // Пути Поднебесной :

пают в роли модального компонента сказуемого в предложении и занимают позицию между подлежащим и основным компонентом сказуемого, являясь наиболее частотным средством выражения модальных значений в китайском языке [20, с. 76].

Согласно парадигме частей языка, получившей широкое применение в комбинаторной семантике, к модальным ёгенам относятся постоянные и переменные ёгены второй отрицательной степени [21, с. 23]. Е. А. Гордей развила парадигму модальных ёгенов путем выделения в ней подгруппы модусных ёгенов, способных комбинироваться с ёгенами третьей отрицательной степени [19].

В рамках данной подгруппы выделяются объективные и субъективные ёгены, которые обозначают «внешние обстоятельства» и «внешние и внутренние побуждения» соответственно. К разряду объективных модусных ёгенов относятся знаки, обозначающие санкционирование старшим субъектом осуществления акции младшим субъектом (可以 *kěyǐ* ‘можно’, 行 *xíng* ‘годиться’, 可能 *kěnéng* ‘мочь, возможно, вероятно’) и способность младшего субъекта осуществить акцию, санкционированную старшим субъектом (能 *néng* ‘мочь, быть в состоянии’, 会 *huì* ‘уметь, быть способным’), а к субъективным – знаки, обозначающие наличие стимулов у младшего субъекта осуществить акцию (应该 *yīnggāi* ‘быть должным, следует’, 得 *dé* ‘мочь, иметь право’/děi ‘быть должным, иметь необходимость’, 要 *yào* ‘нужно, необходимо’, 想 *xiǎng* ‘намереваться, хотеть’, 爱 *ài* ‘любить’, 喜欢 *xǐhuan* ‘нравиться’) и намерение младшего субъекта осуществить акцию (肯 *kěn* ‘соглашаться; хотеть, соби-раться; быть готовым’, 敢 *gǎn* ‘сметь, осмеливаться’) [22, с.73].

Помимо модальных ёгенов, одним из наиболее распространенных средств выражения модальности в китайском языке являются модальные частицы, однако в рамках данной статьи хотелось бы подробнее рассмотреть наименее очевидный инструмент передачи модальных значений – модальные операторы.

Яркими представителями такого рода знаков алфавита синтаксиса выступают морфемы 得 *de* и 不 *bu*, обозначающие возможность и невозможность осуществления процесса соответственно. Наряду с упомянутыми определениями в различных источниках также встречается трактовка модальных операторов как инфиксов при глагольных модификаторах сложного дополнительного члена направления движения [23, с. 143].

Отметим, что оценивание их как инфиксов, на наш взгляд, представляется ошибочным, т. к. инфиксы по определению содержатся внутри корня, в то время как интерфиксы – между корнями. Более того, лексическое значение морфем 得 *de* (восходящее к двусложному сочетанию 得到 *dédào*)

и 不 *bu* (редуцированное от 不得了 *bùdeliǎo*) полностью не стерто, поэтому их скорее стоит относить к полуинтерфиксам, чем к интерфиксам. Значения возможности и отрицания сохранились, однако из-за стремления к сингармонизму модальные операторы закрепились в унарном виде: сохранился лишь компонент 不 *bu* из первоначальной структуры 不得 *bude*, что обеспечило единообразие морфемного состава.

Употребление модальных операторов наиболее частотно в составе сочетаний с результативными морфемами (睡得着 ‘мочь уснуть’, 找不着 ‘не мочь найти’) и глагольными модификаторами в составе инкорпоративного комплекса ёгенов (爬得上去 ‘мочь взобраться’, 拿不出来 ‘не мочь вытащить’). Ниже представлены основные случаи употребления модального оператора 得 *de* (табл. 1), описанные с акцентом на следующие критерии: статус и структура синтаксического целого, выражаемое модальное значение, тождественность сочетанию с модальным ёгеном.

Т а б л и ц а 1

Специфика употребления модального оператора 得 *de*

Пример Критерий	买得到 ‘мочь приобрести’			走得进来 ‘мочь войти’		
Статус синтаксического целого	Сочетание переменного ёгена с результативной морфемой			Инкорпоративный комплекс ёгенов		
Структура	Ёген	Модальный оператор	Результативная морфема	Ёген	Модальный оператор	Макромодификатор
	买	得	到	走	得	进来
Модальное значение	Возможность осуществления процесса					
Тождественность сочетанию с модальным ёгеном	+ = 能买到 ‘мочь приобрести’			+ = 能进来 ‘мочь войти’		

Очевидно, что проанализированные сочетания знаков с модальным оператором 得 *de* в обоих случаях наделены идентичными характеристиками. Любопытно, что взаимозамена на сочетание с модальным ёгеном возможна как в случае с инкорпоративным комплексом, так и относительно синтаксического целого с результативной морфемой в составе. Данный факт говорит о равнозначности данных средств выражения модального значения в китайском языке.

Аналогичным образом рассмотрены основные случаи употребления модального оператора 不 *bu* (табл. 2).

Таблица 2

Специфика употребления модального оператора 不 *bu*

Пример Критерий	买不到 ‘не мочь приобрести’			走不进来 ‘не мочь войти’		
Статус синтаксического целого	Сочетание переменного ёгена с результативной морфемой			Инкорпоративный комплекс ёгенов		
Структура	Ёген	Модальный оператор	Результативная морфема	Ёген	Модальный оператор	Макромодификатор
	买	不	到	走	不	进来
Модальное значение	Невозможность осуществления процесса					
Тождественность сочетанию с модальным ёгеном	+ = 不能买到 ‘не мочь приобрести’			- ≠ 不能进来 *сочетание с модальным ёгеном в составе передает модальный оттенок запрета 不能进来 ‘не мочь войти’		

Данные, отраженные в табл. 2, позволяют сделать вывод о том, что сочетания с модальным оператором 不 *bu* в составе отличаются спецификой лишь относительно последнего аспекта, представленного в табл. 2: инкорпоративный комплекс ёгенов не является тождественным по отношению к аналогичному сочетанию с модальным ёгеном 不能 ‘не мочь войти’ вместо модального оператора. Комбинация переменного ёгена с результативной морфемой (например, 买不到 ‘не мочь приобрести’), напротив, может быть заменена на сочетание с модальным ёгеном без утраты исходной семантики.

Проведенный анализ выявил гибкую и многоуровневую систему выражения модальности в китайском языке. Для передачи различных оттенков субъективного отношения говорящего используется богатый арсенал языковых средств – от модальных ёгенов и частиц до специализированных операторов 得 *de* и 不 *bu*. Особенно показательным является факт функционального неравенства между разными типами модальных маркеров. Такое положение дел свидетельствует о тонкой дифференциации средств выражения модальности в китайском языке и подчеркивает необходимость тщательного контекстуального анализа при изучении данного аспекта языка.

Таким образом, модальность в китайском языке представляет собой сложную, многоаспектную категорию, требующую комплексного подхода к изучению. Проведенное исследование подчеркивает, что комбинаторная

семантика предоставляет эффективный инструментарий для изучения модальности, позволяя формализовать ее проявления через взаимодействие частей языка и знаков алфавита синтаксиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия : в 65 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1971. – Т. 4. – 616 с.
2. Гордей, Е. А. Модальность в философии, модальной логике и лингвистике / Е. А. Гордей // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2020. – № 3 (106). – С. 19–26.
3. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.
4. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
5. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М., 1975. – С. 53– 87.
6. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 5-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
7. Павловская, Н. Ю. Модальность с позиций лингвопрагматики / Н. Ю. Павловская // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 10 : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т, Филол. фак. ; редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – Ч. 1. – С. 47–51.
8. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
9. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Совет. энцикл., 1969. – 607 с.
10. Золотова, Г. А. О модальности предложения в русском языке / Г. А. Золотова // Филол. науки. – 1962. – № 4. – С. 65–79.
11. Шапиро, А. Б. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке / А. Б. Шапиро // Филол. науки. – 1958. – № 4. – С. 20–25.
12. Lyons, J. Semantics : in 2 vol. / J. Lyons. – New York : Cambridge Univ. Press, 1996. – Vol. 2. – 893 p.
13. Лайонз, Д. Введение в теоретическую лингвистику / Д. Лайонз. – М. : Прогресс, 1978. – 544 с.
14. Palmer, F. R. Modality and the English Modals / F. R. Palmer. – London ; New York : Longman, 1979. – 256 p.
15. Coates, J. The Semantics of the Modal Auxiliaries / J. Coates. – London : Croom Helm, 1983. – 259 p.
16. Люй, Шусян. Очерк грамматики китайского языка : в 3 т. / Шусян Люй. – М. : Наука, 1965. – Ч. 2. – 284 с.

17. 朱, 冠明. 情态与汉语情态动词 / 冠明朱 // 山东外语教学. – 2005.– 第 2 期. – 第 17–21 页. = Чжу, Гуаньмин. Модальность и китайские модальные глаголы / Гуаньмин Чжу // Шаньдунский журнал по обучению иностранному языку. – 2005. – № 2. – С. 17–21.
18. Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. тр. по лексикографии / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; отв. ред.: Л. В. Рычкова, В. Л. Воронович, С. А. Емельянова. – Гродно, 2005. – С. 32–35.
19. Гордей, Е. А. Парадигма модусных ёгенов в китайском языке / Е. А. Гордей // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 2 (99). – С. 7–13.
20. Гордей, Е. А. Ядерная и периферийная семантика модальных ёгенов в китайском языке / Е. А. Гордей // Картина мира через призму китайской и белорусской культур : сб. ст. науч.-практ. круглого стола, Минск, 15 дек. 2017 г. / Белорус. гос. экон. ун-т, Белорус. респ. ин-т китаеведения им. Конфуция ; редкол.: Н. В. Попок (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 76–78.
21. Гордей, А. Н. Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, БГУ, 28 марта 2008 г. : сб. науч. материалов / Белорус. гос. ун-т, Филол. фак. ; редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – С. 19–24.
22. Гордей, Е. А. Уточнение парадигмы модусных ёгенов и место в ней ёгенов 可以 [kěyǐ], 能 [néng] / Е. А. Гордей // Вес. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філасофія. – 2020. – № 3. – С. 72–75.
23. Карпека, Д. А. Синтаксис китайского языка: единицы и структуры / Д. А. Карпека. – СПб. : Вост. экспресс, 2019. – 504 с.

Поступила в редакцию 09.09.2025